И. П. Долбня.

(Жизнь, воззрѣнія, личность).

Н. Н. Яковлева.

Сильный и яркій образъ Ив. Петр. стоитъ у всѣхъ насъ еще передъ глазами; до сихъ поръ трудно еще примириться съ горечью, что это только образъ, что самого Ив. Петр. не стало.

И. П. скончался 2 февраля 1912 г., пятидесяти девяти лѣтъ отъ роду, родившись 31 января 1853.

Приблизительно въ 1867 г. 14-ти лѣтъ отъ роду, онъ окончилъ курсъ гимназіи въ Пинскѣ и затѣмъ нѣсколько лѣтъ прослужилъ волостнымъ писаремъ; юридически значился писаремъ его отецъ, фактически писаремъ былъ онъ, хотя не могъ получить этого мѣста оффиціально по малолѣтству.

Въ 1870 г. Ив. Петр. поступилъ въ Горный Институтъ, выдержавъ пріемные экзамены на круглое 5 и получивъ, какъ первый въ спискѣ, единственную стипендію, дававшуюся вновь поступающимъ. По окончаніи курса въ Горномъ Институтѣ въ 1875 г., И. П. поступилъ на педагогическіе курсы при 2-й Петербургской военной гимназіи. Съ 1877 по 1880 годъ служилъ преподавателемъ математики въ оренбургской военной гимназіи и затѣмъ до 1897 г. въ нижегородскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1897 г. Иванъ Петровичъ занялъ каѳедру высшей математики въ Горномъ Институтѣ, послѣ защиты диссертаціи „Изслѣдованіе по теоріи абелевыхъ интеграловъ“. Въ 1904 году былъ согласно прошенія уволенъ отъ службы въ Горномъ Институтѣ, а въ 1906 г. снова занялъ должность ординарнаго профессора института. Въ 1910 г., согласно избранія совѣта Горнаго Института, былъ назначенъ исп. обязанности директора Института, а въ 1911 г. утвержденъ въ должности директора. Скончался послѣ операціи міоматической опухоли мочевого пузыря.

Даже изъ этого краткаго и сухого перечня главнѣйшихъ событій жизни И. П. видно, что покойнымъ былъ пройденъ тяжелый жизненный путь. Достигнутыми въ жизни успѣхами И. П. былъ обязанъ лишь самому себѣ, своимъ выдающимся способностямъ, труду и энергіи.

По сообщенію знавшаго его въ гимназіи П. Л. Мальчевскаго учился И. П. хорошо и уже тогда отличался въ математикѣ. „Помню (пишетъ г. Мальчевскій) какъ впервые мнѣ указали товарищи на И. П. — „смотри, это Долбня—первый математикъ на всю гимназію". „Надо сказать", продолжаетъ П. Л. Мальчевскій, „что въ низшихъ классахъ гимназіи былъ прекрасный учитель ариѳметики и алгебры Малишевскій, а въ старшихъ классахъ — рѣдкій по таланту преподаватель С. М. Самусь, который училъ не признавая никакихъ учебниковъ алгебры и тригонометріи; съ учебниками этими мы впервые познакомились по окончаніи гимназіи. Самусь говорилъ — „вотъ если Долбня захочетъ—изъ него толкъ большой будетъ".

Жилъ И. П. въ Пинскѣ, какъ говоритъ П. Л. Мальчевскій, въ сторожкѣ при шлюзѣ, при которомъ отецъ его состоялъ въ качествѣ „унтеръ-офицера". Шлюзъ былъ на краю города.

„Первая моя встрѣча съ И. П. (говоритъ П. Л. Мальчевскій, не бывшій одноклассникомъ И. П.), первая длительная бесѣда памятна мнѣ очень—это было во время моихъ выпускныхъ экзаменовъ въ гимназіи, въ 1869 г. Несмотря на горячее время я съ наслажденіемъ просидѣлъ съ И. П. и еще однимъ тоже уже не гимназистомъ часовъ пять въ разговорѣ относительно вопроса о происхожденіи видовъ".

Начало службы Ив. П. въ Горномъ Институтѣ совпало съ началомъ эпохи, богатой студенческими безпорядками. Съ 1898 г. и до 1905 г, высшія учебныя заведенія Имперіи были ареной студенческихъ волненій въ такой мѣрѣ, въ какой не были за цѣлый рядъ десятилѣтій. Въ общемъ ходъ этихъ волненій протекалъ такимъ образомъ, что по тому или другому политическому поводу учащаяся молодежь устраивала манифестацію, обыкновенно направляясь шествіемъ на Казанскую площадь, полиція стремилась разсѣять манифестантовъ, при чемъ не обходилось безъ побоевъ, а иногда происходило и настоящее избіеніе молодежи. Учащаяся молодежь тогда объявляла забастовку, а высшее начальство требовало отъ совѣтовъ найти виновниковъ забастовки.

Въ ту эпоху, когда и зрѣлымъ людямъ не дозволялось имѣть сужденія о политикѣ, политическія выступленія студенчества были естественны. Съ одной стороны въ виду этого, съ другой стороны въ виду иногда возмущавшихъ общество полицейскихъ расправъ, совѣты высшихъ учебныхъ заведеній сочувствовали студентамъ, не проявляли охоты къ репрессіямъ противъ молодежи по требованію начальства, иногда, какъ во времена Ванновскаго, указывали на необходимость разслѣдованія полицейскихъ расправъ для успокоенія молодежи. Въ частности, что касается Горнаго Института въ эту пору, И. П. принималъ дѣятельное участіе въ отпискахъ начальству, много записокъ, вышедшихъ изъ Совѣта Горнаго Института принадлежали его перу, онъ былъ приглашаемъ и въ комиссію Ванновскаго для разслѣдованія причинъ студенческихъ волненій, былъ приглашаемъ къ себѣ Ванновскимъ и послѣ этого. Наконецъ въ 1904 г. во время извѣстныхъ событій въ Горномъ Институтѣ, между прочимъ имѣвшихъ послѣдствіемъ выходъ въ отставку группы профессоровъ, И. П. явился какъ бы руководителемъ этой группы; въ дѣйствительности иниціатива принадлежала большею частью болѣе молодымъ членамъ этой группы, но при выступленіяхъ И. П. естественно вы-

двигался впередъ, если и не по своему желанію, то по іерархіи, по лѣтамъ, авторитету. Въ эту пору онъ всегда считалъ долгомъ остерегать своихъ болѣе молодыхъ сотоварищей, указывая, что считаетъ это необходимымъ дѣлать потому, что съ выходомъ въ отставку, онъ, уже выслужившій профессорскую пенсію, могъ потерять значительно менѣе. Съ осени 1905 года, когда возникла Государственная Дума, надо считать положеніе значительно измѣнившимся. Съ тѣхъ поръ какъ обществу предоставлена возможность высказываться по вопросамъ внутренней политики, утрачивается былой смыслъ студенческихъ выступленій. Самая манера прибѣгать къ забастовкамъ въ случаяхъ какъ горестныхъ, такъ и радостныхъ (напр., празднованіе освобожденія крестьянъ до временъ Плеве) является мало съ чѣмъ сообразной. Разумѣется, есть люди, желающіе всегда, при всякихъ обстоятельствахъ прежде всего быть лѣвыми. Но есть и люди, считающіе, что въ періоды крупныхъ политическихъ реформъ нельзя идти безъ удержу влѣво и впередъ, что можно пріостановиться на достигнутомъ этапѣ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и покойный И. П. Пройдя суровую школу жизни и зная, что какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни, результаты даются не легко и не сразу, онъ не могъ раздѣлять увлеченій лѣвыхъ партій и оказался стоящимъ направо, подобно напр. нѣкоторымъ другимъ извѣстнымъ профессорамъ и литераторамъ, ранѣе бывшимъ лѣвѣе. Такое положеніе И. П. было явленіемъ естественной эволюціи, было психологически необходимымъ результатомъ всей предшествующей жизни его, и выходки, которымъ онъ подвергался иногда, получая напр. анонимныя письма съ упреками въ измѣнѣ убѣжденіямъ, были совершенно несправедливы. Говорить объ измѣнѣ И. П. убѣжденіямъ было нельзя, можно было говорить лишь объ измѣненіи воззрѣній по нѣкоторымъ вопросамъ, именно по вопросамъ отношенія общества къ правительству, къ студенческимъ безпорядкамъ. Въ отношеніи женскаго вопроса, религіи и др. воззрѣнія Ив. П. всегда были одинаковы. Одно изъ лицъ, иногда упрекавшихъ И. П. при жизни за измѣну будто бы убѣжденіямъ, тотчасъ-же послѣ смерти Ив. П. заявило: „теперь, когда онъ умеръ, нельзя не признать, что онъ всегда былъ вполнѣ искрененъ". Точно при жизни покойнаго была какая-то надобность не признавать этого!

Какъ извѣстно, знавшимъ И. П. Долбню лично покойный отличался своею способностью выражать свои мнѣнія въ формѣ афоризмовъ, способностью „крылатаго слова", какъ заявилъ объ этомъ Булацель на процессѣ Пуришкевича со студентами Горнаго Института.

Вотъ на афоризмахъ то Ивана Петровича, отражающихъ въ себѣ его общественныя и политическія воззрѣнія, мы и остановимся.

Я долженъ оговориться, что то, что я буду говорить объ Иванѣ Петровичѣ, относится исключительно къ періоду приблизительно послѣднихъ 10-ти лѣтъ его жизни. Лишь въ этотъ періодъ я зналъ покойнаго. Афоризмы, которые я могу предложить Вашему вниманію таковы, что на основаніи ихъ однихъ люди, не знавшія Ив. Петр., могутъ счесть его за реакціонера, какимъ онъ, конечно, не былъ. Именно русская публика, обыкновенно не дѣлающая различенія между реакціонерами и консерваторами,

детъ склонна аттестовать И. П. реакціонеромъ. Я полагаю, что если надо квалифировать И. П., то его можно назвать консерваторомъ и въ то же время прогрессиомъ. Его консерватизмъ далеко не исключалъ движенія впередъ. Въ послѣднее сятилѣтіе жизни И. П. консервативная сторона его воззрѣнія получала у него выженіе болѣе яркое, чѣмъ прогрессивная. Можетъ быть это было потому, что въ реживаемое нами время, пріобщенія къ политикѣ болѣе широкихъ круговъ населенія, чѣмъ было въ недавнемъ прошломъ, приходится рѣзко опредѣлять преобладающіе элементы своего міровоззрѣнія, тѣмъ болѣе для человѣка горячаго, нервознаго, можетъ быть и съ больнымъ сердцемъ.

Афоризмы И. П. остроумны и въ основѣ ихъ часто вѣрная и глубокая мысль. оворотъ вправо у И. П. произошелъ, какъ только обозначилась перспектива возникновенія конституціи.

За нѣсколько дней до 17 октября 1905 г. И. П. былъ на митингѣ въ Технологическомъ Институтѣ, гдѣ, какъ это было обычнымъ дѣломъ въ то время, раздавались призывы къ вооруженному возстанію.

„Революція бьетъ неудержимымъ потокомъ, стремится на улицу черезъ окна и двери, черезъ всѣ щели. Берите ножи, берите кинжалы, топоры и револьверы и идите съ ними на улицу"! приглашалъ одинъ ораторъ. „Да это сумашедшій"! воскликнулъ обращаясь къ окружающимъ Ив. Петр., на что получилъ отъ одного изъ сосѣдей реплику: „Ну, ну, потише, да Вы не монархистъ ли"?! „А вамъ какое дѣло? отвѣтилъ И. П. и ушелъ съ митинга.

Много негодовалъ въ это время И. П. по поводу извѣстій о красноярскихъ, читинскихъ, латышскихъ и т. п. республикахъ. На сообщеніе, въ радостномъ тонѣ, одного стараго профессора—радикала, что въ Москвѣ баррикады, онъ заявилъ: „сердце у меня обливается кровью при видѣ Вашего легкомыслія; если баррикады, то значитъ будутъ двинуты войска и кромѣ разстрѣла ничего не выйдетъ".

На первомъ же послѣ 17 октября общемъ собраніи бывшаго Академическаго союза профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, когда обсуждался опросъ объ отношеніи союза къ вводимымъ реформамъ, И. П. выступилъ съ рѣчью, имѣвшей успѣхъ, съ приглашеніемъ оказать поддержку правительству графа Витте.

При выборахъ въ 1-ую Думу онъ еще былъ кандидатомъ партіи кадетовъ, но рѣшительно отступилъ отъ кадетъ, между прочимъ рѣзко порицалъ ихъ за уклоненія отъ выраженія порицанія террору слѣва. Съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени отношеніе его къ кадетамъ оставалось неизмѣнно отрицательнымъ. „Кадетизмъ—это натура", между прочимъ говорилъ онъ; приписывая этой натурѣ свойства, выражающіяся въ ходячихъ обвиненіяхъ кадетъ въ неискренности, исканіи власти и популярности и т. п.

Онъ считалъ кадетизмъ настолько скомпрометированнымъ, что все соприкасающееся съ нимъ подвержено преслѣдованіямъ, и даже благія начинанія его въ корнѣ обречены на неудачу.

Относительно кадетъ, говорилъ И. П., можно сказать то же, что было сказано

Моисеемъ относительно Корея, Даѳана и Авирона: „отыдите отъ шатровъ нечести выхъ сихъ и не прикасайтесь ни къ чему, что принадлежитъ имъ, дабы не погибнут Вамъ во всѣхъ грѣхахъ ихъ".

И. П. пожалуй даже снисходительнѣе относился къ соціалистическимъ партіямъ, не считая представителей ихъ въ массѣ неискренними, но лишь людьми с ограниченнымъ разумѣніемъ, не понимающими, что они хотятъ невозможнаго. Соціализмъ и соціалистовъ онъ характеризовалъ эпитетомъ „сумашедшій домъ".

Бѣдные разсчитываютъ пріобрѣсти достатокъ, раздѣливъ имущества богатыхъ говорилъ И. П., но ошибаются. Этимъ путемъ достатокъ не создается. Если-бъ шайк безмозглыхъ санкюлотовъ удалось растащить національное богатство по кусочку, он было бы только уничтоженно и не помогло бы милліонамъ неимущихъ, которые н умѣютъ хранить его. Каждый старался бы прежде всего набить свой карманъ.

Аристократъ ума, И. П. протестовалъ противъ всеобщаго избирательнаго права не признавая его, какъ онъ выражался, между прочимъ, за человѣкомъ, не умѣющимъ заработать себѣ на штаны.

Никогда улица государствомъ не управляла. Улица (подъ этимъ И. П. разумѣлъ и политикановъ, и газетныхъ писакъ, и модныхъ беллетристовъ и т. п.) не можетъ создать тѣхъ цѣнностей, которыя создаются на почвѣ высокаго культурнаго благополучія, защищеннаго фактической силой, защищенныхъ такъ, что ни у кого и мысли не можетъ возникнуть о посягательствѣ на нихъ.

Улица можетъ только разбить то, что создается вѣковыми усиліями и никогда не войдетъ въ интересы скрытой работы геніевъ въ области науки, управленія, завоеваній, накопленія богатствъ, и пр., никогда не пойметъ ихъ.

Для этой улицы, въ отвѣтъ на ея посягательства управлять государствомъ, говорилъ И. П., существуетъ только одинъ безспорный аргументъ:—артиллерійскій огонь!

Врагъ политики далеко идущихъ послабленій И. П. считалъ, что она опасно разнуздываетъ массы. Гибли не тѣ монархи, говорилъ онъ, которые были худшими, а тѣ, которые не оказывались способными проявить достаточно твердости въ надлежащіе моменты. Петръ I, стоявшій у колеса, которымъ колесовали стрѣльцовъ, являлся ему воплощеніемъ должной власти.

Для неимущаго и не могущаго найти работы въ настоящее время И. П. признавалъ одно право, — право милостыни, и самъ никогда не отказывалъ въ подаяніи просящему.

Онъ вспоминалъ иногда слова генералъ-адъютанта Даниловича: „если нищій попроситъ у меня хлѣба, то я дамъ ему хлѣба, но если онъ попроситъ котлетки, я ему отвѣчу, нѣтъ у меня котлетки, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ котлетки"...

И. П. протестовалъ противъ автономистскихъ стремленій окраинъ. „Имперію, созданіе ряда русскихъ государей, наслѣдіе Петра Великаго, дать растащить финляндцамъ, полякамъ, малороссамъ, армянамъ и пр."! восклицалъ онъ. На замѣчаніе, что существуютъ же федераціи, напримѣръ, штатовъ Сѣв. Америки, онъ отвѣчалъ, что штаты Сѣв. Америки добровольно соединились въ государство, а наши окраины при-

соединены завоеваніемъ или находились на пути къ этому, при чемъ не можетъ быть рѣчи о федераціи и автономіи.

Вообще И. П. считалъ, что въ мірѣ слишкомъ много слабыхъ головъ, какъ онъ выражался, увлекающихся возможностью осуществленія въ жизни отвлеченныхъ формулъ, вродѣ всеобщаго избирательнаго права и пр.

И. П. довольно пренебрежительно относился къ стремленію женщинъ къ высшему образованію и равноправію съ мужчинами.

„Вѣдь вы все запакостите, вѣдь нѣтъ угла, гдѣ бы можно было Васъ не встрѣтить"! яростно набрасывался онъ, лечась въ Локарно и встрѣтивъ тамъ одну изъ своихъ слушательницъ по курсамъ Лесгафта. „Вонъ здѣсь m-lle N." прибавилъ онъ, продаетъ молочные продукты въ лавкѣ, довольна своей судьбой и всѣмъ пріятна". Единственное объясненіе и оправданіе для женщинъ, ищущихъ высшаго образованія, И. П. находилъ въ томъ, что слишкомъ многія изъ нихъ остаются лишенными семьи, материнства и таковыя пользовались его горячимъ сочувствіемъ.

„Государственные люди, мыслители, великіе художники и педагоги, развѣ тутъ были женщины"? „Да наконецъ, кто былъ Спаситель міра"? Спрашивалъ И. П. и отвѣчалъ „Сынъ Божій".

Вообще И. П. былъ не высокаго мнѣнія о русской интиллигенціи, считая ее мало на что годной и главнымъ образомъ на то, чтобы ругать правительство и вставлять палки въ колеса ему. Русскую интеллигенцію И. П. считалъ нахватавшеюся поверхностнаго образованія, безпочвенною.

„Слава Богу", говорилъ онъ „нигдѣ въ Зап. Европѣ нѣтъ такой интеллигенціи"! Онъ несочувственно относился къ курсамъ, устраиваемымъ русской интеллигенціей для рабочихъ, считая, что эти курсы лишь отрываютъ рабочихъ отъ своей среды, превращая ихъ въ интеллигентовъ, подобныхъ самимъ учителямъ. „Очень ужъ мы хороши", презрительно говорилъ онъ, „можно всякому пожелать стать тѣмъ же"!

Въ упрекъ русской интеллигенціи И. П. ставилъ между прочимъ то, что она очень легка на подъемъ по части покушенія на казенный сундукъ. Ругаютъ правительство тѣ же люди, что получаютъ казенное содержаніе. Когда по смерти Л. Н. Толстого возникъ вопросъ о покупкѣ правительствомъ Ясной Поляны и лѣвая печать иронически подмигивала и кивала по поводу выяснявшейся несклонности правительства къ этой покупкѣ, И. П. заявилъ, что правительство поступитъ правильно, не купивъ имѣнія за вздутую цѣну.

„Собрало польское общество десятки тысячъ рублей на покупку имѣнія Сенкевичу и шведское на даръ Стриндбергу, почему въ русскомъ обществѣ не возникаетъ и мысли о чемъ либо подобномъ"? спрашивалъ И. П.

Что касается религіи, И. П. едва ли могъ назваться вѣрующимъ, но отношеніе его къ вопросу о Богѣ было то, что высказано Фаустомъ Маргаритѣ на вопросъ ея о вѣрѣ. И. П. считалъ, что человѣчество слишкомъ многаго не знаетъ и не можетъ знать въ этой области, чтобъ можно было быть здѣсь рѣшительно увѣреннымъ въ правотѣ своихъ воззрѣній. Начало міра, безконечность пространства, вопросы, которые и мате-

щеніе пробуждаетъ самосознаніе, а послѣднее ведетъ къ сознанію собственнаго достоинства. Послѣднее у него такой же краеугольный камень, какъ у христіанъ—братская любовь. Поступать по чувству собственнаго достоинства онъ считаетъ болѣе искреннимъ, чѣмъ по чувству любви къ ближнему. „Любви—принадлежитъ будущее, замѣчалъ онъ".

Несомнѣнно у И. П. было развито сознаніе собственнаго достоинства, но онъ сознавалъ и свои недостатки и готовъ былъ къ открытому признанію ихъ; мнѣ пришлось быть разъ свидѣтелемъ, какъ онъ рѣзко и съ горечью говорилъ: „какъ уважать себя, когда чувствуешь въ себѣ много недостойнаго".

И всѣ эти люди, съ которыми въ своей жизни соприкасался И. П., которыхъ любилъ и бранилъ, въ жизнь которыхъ съ участіемъ входилъ,—родственники, офицера, студенты и курсистки, профессора и сторожа, всѣ они по смерти его пришли, принесли къ его гробу вѣнки и дружной толпой проводили на мѣсто послѣдняго земного пристанища!

Надо было быть близорукимъ, или слишкомъ мало знать И. П., чтобы не видѣть его добродушія. Готовый въ спорѣ на рѣзкій отпоръ И. П., не былъ злопамятенъ; внѣ спора относился добродушно къ своимъ антагонистамъ и не отказывалъ въ признаніи достоинствъ у нихъ. Давъ по своему добродушію какое либо обѣщаніе, напр. при профессорскихъ выборахъ, онъ всегда держался даннаго слова, хотя иногда каялся тотчасъ послѣ того какъ давалъ его. Передъ Рождествомъ 1911 г. онъ испросилъ разрѣшеніе начальства на общую сходку студентовъ Горнаго Института, пообѣщалъ имъ это, хотя далеко не былъ убѣжденъ въ необходимости сходки. Доброта и связанная съ нею слабоватость характера были у И. П. источникомъ несоотвѣтствія его образа дѣйствій съ его воззрѣніями. Онъ самъ сознавалъ это. Это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что въ своихъ рѣчахъ покойный сплошь и рядомъ проявлялъ блестящую, стальную логику. У И. П., какъ пишетъ уже цитированный мною выше г. Панфиловъ, чувствовалась необычайная сила таланта и темперамента вождя. Въ должности профессора высшей математики эти качества мало могли проявляться, но все-таки И. П. принадлежала въ послѣдніе годы въ Горномъ Институтѣ, въ Совѣтѣ его и въ такъ называемомъ отдѣленіи Совѣта по студенческимъ дѣламъ, одно время существовавшемъ, руководящая роль.

Въ отношеніи упомянутаго отдѣленія Совѣта можно сказать, что сколько-нибудь приличное и благополучное существованіе его только и было возможно при И. П. Послѣ ухода И. П. изъ отдѣленія Совѣта оно было закрыто не только вслѣдствіе желанія высшаго начальства, но и потому, что замѣнить И. П. какъ сильнаго руководителя было тамъ некѣмъ. При талантѣ И. П., поучительной школѣ жизни, пройденной имъ, и при общемъ образованіи, большемъ чѣмъ у средняго профессора, онъ несомнѣнно могъ бы быть напр. выдающимся и полезнымъ членомъ Государственной Думы.

Лѣтъ 15-и отъ роду, какъ указано выше, И. П. былъ способенъ и интересенъ въ пятичасовой бесѣдѣ на тему о происхожденіи видовъ, сослуживецъ по Нижего-

родскому корпусу пишетъ, что его интересовали въ то время литература русская и иностранная, исторія и общественныя науки. Одинъ изъ учениковъ И. П. по Нижегородской гимназіи говоритъ, что своими бесѣдами съ учениками на темы по геологіи И. П. пробудилъ впервые въ немъ стремленіе къ изученію неорганической природы. Это разнообразіе интересовъ онъ сохранилъ до самой смерти.

Особенно онъ былъ начитанъ въ исторіи, такъ, что на одномъ изъ предвыборныхъ собраній въ Нарвской Части,—собраніе передъ 1-ой Думой, на которомъ И. П. былъ отвѣтственнымъ лицомъ, — одинъ изъ рабочихъ, обращаясь къ нему, назвалъ его профессоромъ исторіи. Охотникъ поговорить И. П. обыкновенно заканчивалъ уроки въ кадетскомъ корпусѣ и лекціи въ Горномъ Институтѣ рѣчью на постороннюю математикѣ тему, но при дѣловомъ обсужденіи вопросовъ, напр. въ засѣданіи Совѣта, не любилъ многоглаголанія и засѣданія подъ его предсѣдательствомъ протекали быстро и содержательно. Цѣня выше всего дѣло, достиженіе полезныхъ результатовъ, Ив. П. большею частью былъ склоненъ идти на компромиссъ, находилъ его, когда это было трудно, или когда объ этомъ не заботились другіе. Бывали случаи, когда Ив. П. не довольствовался тѣмъ, что защищаемое имъ мнѣніе получало большинство голосовъ, хотя и слабое; онъ подыскивалъ тогда новую формулировку вопроса, новое постановленіе, которое объединило-бы значительное большинство.

Покойный былъ всегда далекъ отъ мысли объ административной карьерѣ. Ставъ директоромъ, онъ проявлялъ недальновидность въ отношеніи своей карьеры. Такъ еще будучи исполняющимъ обязанности директора (съ утвержденіемъ его директоромъ не торопились) осенью 1911 г. онъ напечаталъ въ „Новомъ Времени“ письмо относительно ошибочности обвиненія института въ пріемѣ лицъ съ подложными аттестатами средней школы и указалъ, что это обвиненіе является результатомъ „чрезмѣрнаго прокурорскаго рвенія“ учебнаго отдѣла министерства.

Минувшей осенью, когда появился сборникъ „Памяти Лесгафта“, встрѣчаются двое знакомыхъ И. П. „Помилуйте!“ говоритъ одинъ другому „Что это такое дѣлаетъ Ив. П?“.

— „А что такое?“

— „Да въ вспоминаніяхъ о Лесгафтѣ разсказываетъ какъ онъ съ Лесгафтомъ ходили бунтовать профессоровъ по поводу избіенія студентовъ на Казанской площади. Развѣ приличны такія воспоминанія для директора высшаго учебнаго заведенія“?

Собственно эта страничка изъ воспоминаній была написана и дана Ив. П-емъ еще до того, какъ онъ сдѣлался директоромъ, но по выходѣ сборника ему и въ голову не пришла мысль, что печатать ее можетъ быть для него не ловко, онъ даже спрашивалъ, не правда-ли, что объ этомъ слѣдовало печатать скорѣе, чѣмъ кой о чемъ другомъ, приведеннымъ въ сборникѣ.

Какъ заявилъ одинъ изъ учениковъ И. П. по Горному Институту: „Долбня былъ намъ студентамъ, дорогъ и интересенъ, какъ оригинальная, яркая личность, со способностью во все внести анализъ, критику, независимо отъ того было ли это въ правомъ или лѣвомъ направленіи... Въ нашихъ глазахъ Долбня сообщалъ колоритъ и отпечатокъ

Горному Институту, которые, къ сожалѣнію, должны невозвратимо утратиться со смертью И. П.

Сдѣлавшись директоромъ, И. П. не стремился извлечь изъ этого какія-либо особенныя выгоды для себя, раздѣлилъ директорскую квартиру на двѣ части и оставилъ себѣ худшую, не добивался напр. добавочныхъ ассигнованій на своихъ ассистентовъ.

И. П. былъ замѣчательно яркой, самобытной и богато одаренной натурой, говоритъ о немъ его сослуживецъ, ген. Семашкевичъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что И. П. былъ добрый, честный, прямой, искренній человѣкъ. Понятно, что знавшіе его близко и прежде всего его ученики и слушательницы, не могли не любить его и охотно извиняли ему, если онъ въ своей горячности и прямотѣ задѣвалъ ихъ. Вѣчная память о немъ будетъ жить среди его учениковъ и товарищей; онъ можетъ служить примѣромъ добраго и внимательнаго сына, добраго брата, надежнаго друга, выдающагося ученаго въ труднѣйшей области человѣческаго мышленія, блестящаго профессора и педагога-директора.

Здѣсь, среди этихъ стѣнъ, началъ Ив. Петр. свою болѣе широкую самостоятельную дѣятельность, видную намъ всѣмъ; здѣсь-же онъ ее закончилъ.

Пусть-же въ этихъ стѣнахъ дольше всего и сохранится о немъ заслуженная добрая память!